

21 ноя. 1987г

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ:

«ПОЮ О ТОМ, ЧТО МЕНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОЛНУЕТ»

Ему доставалось, как никому, из советских рок-музыкантов, — от музыковедов, критиков, литераторов, прессы. В чем только не обвиняли: в примитивизме и псевдоусложненности, музыкальной неграмотности и пассивной созерцательной позиции, насаждении мистицизма и неудачных символистских упражнениях, произвольно приписывали ему чужие песни. Подчас не давали выступать, да что там выступать — работать, репетировать!

Но он относительно спокойно (хотя, кто знает, что творилось внутри) прошел сквозь невзгоды, пронес верность своей музыке, своей поэзии, самому себе, наконец. Теперь ясно: иначе он не мог. По крайней мере не имел морального права, хотя бы потому, что сотни, тысячи верных поклонников, не остав от горячих обсуждений новой его песни, с нетерпением ждали еще одного откровения, новых записей, с своеобразными стихами, ожидали услышать хрипловатый, с присущим только ему оттенком голос. Он остался таким, какой есть, невзирая ни на что. Потому что он — Музыкант и Поэт.

— Найти тебя оказалось делом несложным. Чуть ли не весь Ленинград в указателях с надписью «Б. Г.».

— Ты, наверное, ждешь ответа: «Как мне надоели эти фанаты» или предлагаешь взять кисть, ведро краски и замазать? Хотя, говоря по правде, я несколько устал от неожиданных гостей, готовых прийти в любое время дня и ночи, чтобы засвидетельствовать свое уважение. Придешь уставший с репетиции, и одна мечта: посидеть, отдохнуть, подумать, а тут врываются к тебе люди, которых ты и не знаешь, диктуют твой же текст, похлопывают по плечу... Словом, понимаешь, какая ситуация?

— К тебе, к «Аквариуму», по-моему, всегда было очень четко выраженное отношение: или вас обожают, или абсолютно не понимают...

— Насчет обожания, пожалуй, слишком. Просто у нас почти с самого начала был определенный круг поклонников, который постоянно расширялся, потом уже произошел некий взрыв, и о нас узнали почти повсеместно. Любому писателю, я думаю, приятно знать, что его книги читают с удовольствием в разных концах страны, музыканту — что песни его слушают во многих местах. Так и мне. Но, когда дело доходит до вот этих указателей, то это уже просто раздражает. Гуляешь, к слову, по Невскому, идет навстречу сияющий детина с надписью на майке «Крылья сломались», когда еще воздух был пуст». Так и подмывает его спросить: «Какие такие крылья у тебя сломались?»

— Может, эта песня настолько ему близка, что он считает ее своей?

— Если она ему так близка, то, бога ради, пусть поет. Буду только рад. Значит, не зря писал, кто-то подхватил, уловил то, о чем я говорил в песне. Но цитата на майке — это внешняя и, на мой взгляд, примитивная атрибутика.

— Часто слышишь о твоих песнях такое суждение: «Ничего не поймешь, набор фраз»...

— А я и такое слышал: «Ничего не понятно, но очень нравится». Все же замечу, что непонятного в моих песнях нет! Я говорю о том, что вижу, что, по моему глубокому убеждению, должен видеть каждый человек! А это «ничего не понятно» исходит от нежелания заглянуть внутрь хотя бы себя самого, заглянуть за эти строки — что за ними стоит.

— И тем не менее: «Солдаты любви, мы движемся, как призраки феи, по трамвайным путям, мы знаем электричество в лицо, но разве это повод. Развясните мне руки!».

— Тебе это нравится? Если да — слушай!

— Очень мудро...

— Я никогда не ставлю перед собой цели подавить слушателя тем, чего он не знает, или ошеломить его набором изящных фраз, чтобы он, как кроссворд, разгадывал ту или иную песню. Я пишу музыку, затем слова. Одно слово вытягивает другое, потом третья, так и получается композиция, песня. Я — автор, и я отвечаю за каждое слетое слово. И вообще, делать песню и наперед загадывать действие, которое она произведет на слушателя, — гиблое дело.

— Как ты думаешь, можно

ли тебя назвать новатором, как считают твои поклонники, создателем определенного стиля в музыке, поэзии?

— Каждый уважающий себя коллектив должен иметь свое лицо, свой почерк — это несомненно. Согласен?

— Да.

— А раз так, если свой почерк, свое лицо, то значит, создал что-то, чего не было до тебя. Если в этом заключается новаторство, то с поклонниками я согласен. Думаю, что «Аквариум» ни с какой другой группой не спутать. Если же речь идет о чем-то сверхновом, чего вообще в истории человечества не имело аналогов, то едва ли. Все же мы используем то, что было до нас, правда, с немалым своим дополнением, как в музыке, так и в поэзии.

— Что касается стиля «Аквариума». Часть увлекающихся современной музыкой людей несколько недовольна тем, что у группы нет определенного стиля. В том смысле, что это не джаз, не тяжелый рок, не фьюжи, не «новая волна» и т. д.

— Начинать мы с рока. А потом, знаешь, сколько всего было... Думаю, петь ты должен о том, что действительно тебя волнует, музыка должна быть для начала честной, искренней, а уж определенный стиль, будь то даже хеви-метал, — это дело далеко не первое.

— Твой сценический «нимидж» — человек неприкаянный, не от мира сего?

— Да?! (смеется). Вот уж не подозревал. Наверное, это получается вне меня самого. Приведу такой пример: Микелан-

джелло во время работы так увлекся, что провел без сна и пищи двое суток и был приведен в чувство учеником, который застал его в полуобморочном состоянии, но с молоточком и резцом в руках.

— Значит, и тебя одергивать во время концерта?

— (Улыбнувшись). Стоит ли?

— Кинчев в своих песнях выводит образ бунтаря, Цой — пронизирует над инфантильным человеком, живущим минутой, оружие Науменко — сатира и сарказм, о тебе по последним работам можно сказать, как о хорошем художнике, уводящем в какие-то прекрасные, но, увы, не существующие дали.

— Разве они не существуют? По-моему, они есть, их только нужно уметь увидеть! Вообще очень часто заходят такие разговоры: «что ты хотел этим сказать?» или «как понять: «мандариновая трава»? Пикассо на подобные вопросы ответил так: «Почему вы так стремитесь понять художника? Вон растет дерево, почему вы не стремитесь понять его?». Трудно объяснить в двух словах, но это определенное субъективное видение чего-то, я пишу о том, что меня волнует, что я чувствую и как я вижу.

— Но не все же видят или чувствуют одинаково с тобой?

— Те, чьи взгляды сходятся с нашими, слушают нас.

— В последнее время, в частности, после выхода диска «Аквариума», слышались голоса: «Не тот уже Боб!». Не теряешь ли ты поклонников?

— «Не тот Боб!» я слышу по меньшей мере годков шесть-семь. Но не могу же я спустя одиннадцать с лишним лет снова писать «Старика Козлодоева» или «Электрического пса»?! Они уже сотни раз спеты, записаны на магнитофонные пленки.

— Представь себе, что с выходом нового альбома ты вдруг потерял всех поклонников. Что будешь делать тогда?

— Наверное, писать. Понимаешь, я не могу без этого. Писать песни и петь их — это вроде обязанности перед самим собой.

— В чем, на твой взгляд, секрет успеха «Аквариума»?

— Думаю, об этом надо спросить слушателя. Мы же, делая песню, повторю еще раз, заранее на успех не рассчитываем, не пытаемся даже вычислить, какую, приблизительно, реакцию она вызовет.

— Какой период своей работы ты бы выделил?

— Едва ли можно работу «Аквариума» характеризовать периодами. Мы уже забыли, когда в последний раз нормально отдыхали. Фактически этот период растянулся на четырнадцать лет, то есть с момента основания ансамбля по сегодняшний день. Все наши работы мне одинаково дороги, так же, как и каждая песня в отдельности. Хотя, если верить откликам, то в поэтическом отношении сильнее других выглядит «Акустика» — работа 1977 года, а в музыкальном — «Табу» — мы его записали в 1982-м.

— Следует ли из этого, что «звездный час» прошел?

— Я не знаю просто, какими критериями обозначить этот «звездный час». Если количеством получаемых писем, где преобладают положительные настроения, то скорее наоборот — «звездный час» не наступил, потому что с каждым годом их становится все больше и больше. А если работой, то каждый, думаю, автор надеется увидеть свое следующее произведение более значительным, чем предшествующее.

— Ходит много пересудов о статусе «Аквариума».

— Многих смущает, что мы считаемся самостоятельным коллективом. Но взять хотя бы ту же «Алису». По-моему, она сильнее многих профессионалов, и в этом заочном споре между профессионалами и самостоятельными коллективами я вижу перевес, и до-

вольно — так значительный, на стороне последних. Хотя бы потому, что они оригинальнее, самобытнее и честнее. Что же касается изменения статуса «Аквариума», то пока перестройка коренным образом не коснется условий работы профессиональных ансамблей, мы его менять не собираемся.

— В последнее время появился ряд ансамблей, пишущих и играющих под «Аквариум»?

— Не верю, что такая стилизация может принести успех, а если и принесет, то кратковременный. Зачем играть под «Аквариум»? Он уже есть. И, думаю, неплохо справляется со своим делом. Гораздо интереснее попытаться внести в музыку крупицы своего я, своих чувств, мыслей. Не стоит копировать кого-то, не имеет значения наш это исполнитель или зарубежный.

— Кстати, в чем ты видишь основную разницу между отечественным и западным роком?

— Западная рок-музыка в большинстве случаев опутана коммерцией, исключая, разумеется, крупные ансамбли: «Битлз», «Лед Зеппелин», «Пинк Флойд» и еще несколько групп. У нас в этом отношении свободнее. Но, с другой стороны, наша рок-музыка, дав несколько отличных ансамблей, не дала пока миру грандов, не таких, конечно же, как «Битлз», а хотя бы рангом чуть ниже. Здесь, несомненно, сказывается период застоя в культурной жизни страны. Сколько талантливых музыкантов так и не раскрылись до конца из-за гонений, во времена, когда слово «рок-музыка» считалось чуть ли не нецензурным, когда на рок-музыканта вешался ярлык: «антиобщественный, разлагающий элемент». Порой диву даешься, как могла наша рок-музыка, загнанная на столько лет в подполье, выжить. И не только выжить, а расцвести таким количеством ансамблей?!

— Наверное, это в полной мере относится и к «Аквариуму»?

— Лучше и не говорить.

И как бы в подтверждение слов Бориса мне вспомнилась история с альбомом «Электричество» — работа 1980—1981 годов. На «конверте» были написаны такие слова: «Спасибо всем, кто помогал и не мешал делать эту музыку!». Теперь положение изменилось: перед известным музыкантом готовы распахнуться двери самых престижных музыкальных залов, но сам Борис предпочитает небольшие, где могут собраться люди, понимающие его. Любит выступать в комнатах отдыха общежитий, через которые он приобрел известность.

Время встречи близится к концу. Борис надевает куртку, ему пора на репетицию.

Трудно удержаться от банальных вопросов:

— Любимый писатель?

— Достоевский, Бэкетт.

— Любимый поэт?

— Трудно выделить, их много.

— Любимый музыкант?

— «Битлз».

— Любимый город?

— Ленинград, конечно.

— Любимое время года?

— Зима и время белых ночей.

— Любимый цвет?

— Белый.

— Какое качество ценишь в людях?

— Прежде всего, честность.

— Что ненавидишь?

— Войну!

— Заветная мечта?

— Пожимает плечами.

На улице его встречает пронизывающий балтийский ветер, мелкий колючий дождь и восторженные крики поклонников, чуть ли не ноющих у его дома. Он поднимает воротник и быстрым шагом направляется к остановке, исчезая в потоке людей.

Беседу вел Юрий Симонян.